

ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ТОМСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВЛАСТИ И СТУДЕНЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Статья посвящена характеристике положения профессоров и преподавателей Томского университета и Томского технологического института в период усиления студенческого движения в конце XIX – начале XX в. Основное внимание уделено описанию давления, которое оказывалось на преподавателей и со стороны власти, и со стороны студенчества. В то же время актуальность многих требований вузовской молодежи способствовала тому, что профессора во многом поддерживали студенческое движение.

Ключевые слова: профессура; студенчество; власть; томские вузы.

Рост студенческого движения в России на рубеже XIX–XX вв. со всей очевидностью свидетельствовал о назревшей необходимости реформирования высшей школы в процессе постепенного формирования гражданского общества. Студенты протестовали в первую очередь против политического и гражданского бесправия, против отношения к ним, согласно Уставу 1884 г., как к «отдельным посетителям университета».

В условиях усиления противостояния вузовской молодежи и власти, так явно проявлявшегося не только в центре страны, но и на ее отдаленной сибирской окраине, особую роль приобретала позиция профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Студенчество ожидало от них поддержки, поскольку основное требование – требование автономии высшей школы, одинаково исходило и от учащихся, и от учащих. Власть же, со своей стороны, материально обеспечивая преподавателей, видела в них людей, чье предназначение состояло в занятиях наукой, а не политикой. Но действительная актуальность многих студенческих требований заставляла профессоров и преподавателей более лояльно относиться к студенческому движению.

Заметный рост количества студенческих выступлений в России наметился с февраля 1899 г., когда в Петербурге начались волнения, связанные с жестоким избиением студентов полицией. События в столице всколыхнули всю страну. Довольно быстро сведения о произошедшем дошли и до отдаленного Томска. Вследствие митингов и объявленной забастовки в столичных вузах 24 февраля 1899 г. в Томском университете состоялась многочисленная студенческая сходка, собравшая более 400 человек. Сходка вынесла постановление, согласно которому студенты требовали от правительства гарантий физической и нравственной неприкосновенности личности, публикации правил и инструкций, которыми руководствуется полиция по отношению к студентам. До выполнения требований студентами объявлялась забастовка с угрозой обструкции против тех профессоров, которые будут продолжать вести занятия [1. Л. 9–13]. В ответ местное начальство приступило к высылке ряда студентов – наиболее активных участников волнений.

В период начавшейся забастовки в Томске был распространен ряд гектографированных воззваний, одним из которых стало обращение студентов местного университета к своим профессорам. В нем указывалось, что события 8 февраля 1899 г. в Петербурге вызвали протест всей студенческой молодежи против Устава 1884 г., причем этот протест был поддержан профессорами Петербургского университета, подавшими пети-

цию царю. Томские студенты призывали своих профессоров присоединиться к протесту, утверждая: «И если вы заговорите по поводу текущих событий, вашей аудиторией будет ни больше ни меньше, как вся Россия!» [1. Л. 18].

В другой студенческой листовке, датированной 24 марта 1899 г., ее авторы упрекали членов правления Томского университета в содействии высылке ряда участников волнений: «Вы... хотите путем такого безнравственного средства, как физическая сила, подавить справедливые просьбы молодежи о том, чтобы ее не били». Профессора критиковались за то, что они не вступились за студентов, чем фактически поддержали репрессивные действия властей [1. Л. 20].

Еще одно воззвание от имени бывших студентов-томичей также носило характер обращения к профессорам с призывом не продолжать чтение лекций, поскольку, по мнению авторов, в аудиториях остались только люди, недостойные лекций. «Окажите им, отказавшись от чтения лекций, полное презрение, которого они вполне заслуживают, и Вы исполните тот долг, который требует от Вас истина и справедливость», – указывалось в воззвании [1. Л. 19].

Гораздо более резкая по тону и даже доходящая до грубости критика преподавателей звучала в стихотворении неустановленного автора. В период забастовки анонимный поэт писал по поводу начавшихся исключений студентов:

«Не ожидали мы, почтенное начальство,
что вы проявите подобное нахальство!
Что побудило Вас, скажите мне на милость,
такую зверскую к нам применить расправу?
Скажите, где Ваш ум, где стыд, где справедливость?
Кого Вы губите и по какому праву?»

Профессора в стихотворении упрекались в том, что они не примкнули к протестному движению и не поддерживали студентов:

«Куда ж годитесь Вы с подобным направленьем?
Я Вам по совести хотел бы предложить
служить идти в жандармское правленье,
но уж никак не истине служить...
Вы ж обессмертить бы себя могли,
назваться родины достойными сынами,
когда бы нам Вы смело помогли,
когда б в протесте Вы нам помогли» [1. Л. 16].

Таким образом, неумелое и во многом наивное стихотворение, больше напоминающее публицистическую статью или листовку и предназначавшееся, скорее всего, для произнесения на сходке, тем не менее, отразило настроения той части студенчества, которая считала,

что в период волнений профессура должна была под- держать студентов, выступить на их стороне.

Студенты не понимали и не хотели понять, что профессора, бесспорно, являясь частью корпоративно- го вузовского сообщества, все же были иной социаль- ной группой, иной по всем параметрам – возрасту, об- разованию, социальному положению, а их роль воспи- тателей юношества вовсе не предполагала поддержки противозаконных студенческих действий. С другой стороны, по замыслу властей, преподаватели должны были давать студентам пример правильного поведения и образа мыслей. Но они жили в тех же условиях, встречались с теми же проблемами, что и студенты, поэтому многие представители профессорско- преподавательского слоя действительно довольно со- чувственно относились к студенческому движению. Данный факт, в свою очередь, не мог остаться без вни- мания представителей властных структур, постоянно упрекавших профессоров и преподавателей томских вузов в том, что они прямо или косвенно поддержива- ют протестные действия студентов.

Одним из тех преподавателей, кто неизменно под- вергался критике со стороны жандармских органов, был профессор Томского университета М.А. Рейснер. В октябре 1902 г. газета «Сибирская жизнь» описывая речь М.А. Рейснера, вернувшегося из заграничной ко- мандировки, цитировала его высказывания о том, что на Западе, в отличие от России, общество не отделено от государства, оно привлекается к публично-правовой и административной деятельности, в Европе развито местное самоуправление и царит закон [2. Л. 8]. По мнению начальника Томского губернского жандарм- ского управления, причиной подобных высказываний профессора было то, что Рейснер, не пользовавшийся ранее популярностью среди студентов, «чтобы испра- вить впечатление, произведенное на студенческую мо- лодежь... примкнул к партии крайних либералов в среде студенчества, хотя и не составляющей большинства, но зато самой благодарной. С тех пор лекции Рейснера уже перестают быть безлюдными, при появлении его на ка- федре и по окончании лекций постоянно раздаются ап- лодисменты» [2. Л. 7]. Начальник управления отмечал, что речи Рейснера вредно и опасно влияют на студенче- скую молодежь, поэтому им предлагалось в 1903 г. уда- лить профессора из университета.

Информация о поддержке преподавателями неза- конных студенческих действий в ряде случаев посту- пала в распоряжение местных властей и от самих сту- дентов, точнее от тех из них, кто выступал сторонни- ком монархической идеи и всецело был на стороне противников радикальных требований в среде вузов- ской молодежи. Так, в анонимном письме-донесе по- печителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву, направленном ему в 1902 г. от имени «труженика-студента», его автор писал, что после за- бастовки 1901 г. студенчество Томского технологиче- ского института разделилось на две партии: забастов- щиков и антизабастовщиков, причем забастовщикам покровительствовал сам директор института. Автор прямо упрекал преподавателей в поддержке радикаль- но настроенных студентов. Так, по его мнению, препо- даватель Салтыков «частенько ядовито и причем от-

крыто насмехается над антизабастовщиками». Напри- мер, по окончании одной из лекций «он двусмысленно поздравил свою аудиторию с вновь дарованными пра- вилами, сказав: «Это ведь вам неинтересно, так как вы не приняли никакого участия в движении». Декан Бо- барыков «желает изгнать антизабастовщиков как нежела- тельный элемент, что и выражает частенько на своих практических занятиях». Автор письма обвинял препода- вателей Бобарыкова, Салтыкова и Кижнера в том, что они, желая не пропустить на следующие курсы студентов, продолжавших занятия, так устроили полугодовые испы- тания, что очень немногие решились их держать. Все они выражали желание «завалить» антизабастовщиков, а Сал- тыков грозился «совершенно уничтожить «шпану». Письмо заканчивалось обращением к попечителю: «Из всего видно, что только Вы, Ваше Превосходительство, можете предотвратить надвигающуюся беду на тружени- ков – студентов» [3. Л. 140–142].

Резкая критика профессоров и преподавателей зву- чала и в другом письме, автором которого был студент Томского университета Герман Соловкин, известный тем, что именно после рассмотрения его дела в миро- вом суде началась студенческая демонстрация в Том- ске 18 февраля 1903 г., закончившаяся избиением ма- нифестантов. Ярый монархист Соловкин упрекал ад- министрацию университета в том, что она не поддер- жала его в борьбе с «вредными для государства идеа- ми». По его мнению, университетское начальство без- действовало и не удалило из студенческой среды «гла- варей вредной пропаганды», а должно было удалить агитаторов, «чем лишило бы революционную партию главных своих вожаков». Профессора в лекциях, писал автор, должны были при каждом удобном случае «го- ворить студентам об уважении к верховной власти, закону и религии, тем самым оказывать серьезную ус- лугу правительству, отклоняя своих слушателей от ре- волюционных идей». Но за время пребывания в уни- верситете, отмечал Соловкин, ничего подобного он не встречал. Напротив, профессор Рейснер, например, на лекциях «открыто и нагло порицал существующий по- рядок правления» [4. Л. 36–37].

Оба автора указанных выше писем упрекали про- фессоров в явной поддержке революционно настроен- ных студентов, но вряд ли это можно было отнести к профессорско-преподавательскому составу томских вузов в целом. Отношение к студенческому движению в этой среде во многом зависело от политических сим- патий, и склонные к поддержке преимущественно ли- беральных идей профессора, сочувственно относясь к требованию установления автономии высшей школы, в большинстве своем не одобряли проявления студенче- ского радикализма.

Новая волна выступлений вузовской молодежи Томска была связана с событиями 18 и 20 февраля 1903 г., когда после двух проведенных демонстраций в вузах города была объявлена забастовка. Однако пре- кращение занятий не было единодушно поддержано всеми представителями студенчества. Многие студен- ты, как писалось в частном письме, «не видели доста- точной причины бастовать» [4. Л. 48] и начали посе- щать лекции, поэтому для предотвращения возобнов- ления занятий в полном объеме в марте 1903 г. сторон-

никами забастовки в Томском технологическом институте были проведены химические обструкции – раздавлены пузырьки с сильно пахнущей жидкостью. Виновные в содеянном обнаружены не были, поскольку, по мнению чинов местного жандармского управления, служащие и инспекция студентов в лицо почти не знают, а «профессора если и знают студентов, то выяснять оных своей обязанностью не считают» [3. Л. 151]. Жандармы прямо подозревали преподавателей в сочувствии студентам-забастовщикам, относя к их числу, например, профессора Томского технологического института Н.М. Кижнера или профессора Томского университета Е.В. Вернера, поскольку «он всегда сочувственно относится к тем студентам, которые участвуют в беспорядках» [4. Л. 53, 60].

По запросу жандармского управления администрацией Томского университета были предоставлены списки студентов, участвовавших в демонстрациях и сходках в начале 1903 г. Данное действие вызвало возмущение студентов, поскольку по закону вне стен учебных заведений они подлежали полицейскому контролю, а не контролю учебной администрации. В этой связи учебное начальство Томского технологического института первоначально отказалось предоставить подобные списки своих студентов, т.к., по мнению директора института Е.Л. Зубашева, степень их вины должна была устанавливаться профессорским дисциплинарным судом, следовательно, списки могли быть даны только после рассмотрения дела в этом суде. Но отстаивать свою позицию учебной администрации не удалось, и позже сведения о студентах института, обвиняемых в участии в беспорядках, все же были переданы в жандармское управление [3. Л. 99, 102–103]. Подобные действия учебной администрации, в свою очередь, способствовали новому росту недовольства вузовской молодежи, которая обвиняла вузовское начальство в потворстве полиции и предательстве идей академической свободы.

Однако особенно ярко отношение студентов к профессорам проявилось на сходке в Томском университете 8 декабря 1904 г., когда ректор Курлов, пришедший сюда, чтобы уговорить студентов разойтись в силу незаконности данного собрания, был встречен вопросом: «Кто Вы такой и почему здесь?» А далее, как отмечалось и в студенческих письмах, и в материалах охранительных органов, председатель сходки студент-юрист 3-го курса Евгений Пушаровский отчитал ректора «за притеснения студентов... за измену прежним профессорским убеждениям. При этом «сходка аплодировала дерзкой выходке своего избранника». Ректор ушел «обиженный и сконфуженный... под аккомпанемент нескольких свистков» [5. Л. 25–26, 32].

После этих событий Курлов в отчаянии писал в частном письме: «Моя просьба разойтись не произвела никакого эффекта, пришлось уйти и теперь судить участников. Ты себе представить не можешь, как мне тяжело их наказывать, но они не понимают меня или не хотят понять, что я хочу для них лишь добра, хочу каждому из них дать возможность научиться, хочу, чтобы отцы и матери их не рыдали над погубленными в университете детьми, а они в этом желании видят мою слабость, начальство – потворство, а что следует делать, никто толком сказать не может» [5. Л. 31].

Таким образом, очевидна сложность положения профессоров и преподавателей томских вузов, занимавших промежуточную (фактически буферную) позицию в условиях противостояния власти и студенчества. Причем если власти критиковали профессоров за потворство студенческим выступлениям, то студенты упрекали, напротив, в их малой поддержке. Отсюда и то постоянное давление, которое испытывали профессора и преподаватели с обеих сторон: власти – через стремление регулировать внутреннюю жизнь вузов, и студентов, обвинявших своих профессоров в недостаточной защите их интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 201.
2. ГАТО. Ф. 411. Оп. 1. Д. 92.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1585 г.
4. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Лит. А.
5. ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1904. Д. 3. Ч. 10. Т. 9.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 февраля 2009 г.